

Санкт-Петербургский государственный университет

Бекетов Данил Александрович

Выпускная квалификационная работа

Трансформация политического мифа

Уровень образования: бакалавриат

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа СВ.5027* «Политология»

Научный руководитель:

профессор, Кафедра теории и
философии политики,

д. полит. наук

Завершинский Константин Фёдорович

Рецензент:

профессор, Кафедра этнополитологии,

д. полит. наук

Ачкасов Валерий Алексеевич

Санкт-Петербург

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Феномен политического мифа.....	6
1.1. Теоретические основания понимания феномена политического мифа.....	6
1.2. Специфика политического мифа и мифопрактик.....	28
Глава 2. Место, роль и формы политического мифа в современных политических коммуникациях.....	33
2.1. Политический миф в теории и практике символической политики.....	33
2.2. Политический миф в социальном конструировании национальной идентичности.....	41
Заключение.....	47
Список использованных источников.....	49

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность тематики работы обусловлена непрерывностью традиции политического мифотворчества, выражающейся в создании новых политических мифов и повторной интерпретации старых, а также постоянным совершенствованием информационно-коммуникативной инфраструктуры, порождающем новые формы использования политических мифов для достижения непосредственно или косвенно политических целей. Дополнительную значимость теме придаёт факт малой её недостаточной разработанности как в академической сфере, так и в сфере «практического» применения. Лакмусовой бумажкой этого факта выступает распространённость мнения о «политическом мифотворчестве» как практике исключительно манипулятивной природы.

Степень теоретической разработанности и базовые источники исследования. У истоков понимания мифа и его политической компоненте стоят такие исследователи, как: Бронислав Малиновский¹, Жорж Сорель², Люсьен Леви-Брюль³, Клод Леви-Стросс⁴, Мирча Элиаде⁵ и многие другие авторы. Их работы, хоть и не всегда говорят напрямую о политическом мифе (или говорят вскользь о политическом аспекте мифа), имеют весомое влияние на формирование его восприятия у будущих и параллельно шедших исследователей, рассматривавших уже политический миф: Эрнста Кассирера⁶,

¹ См. напр.: Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. Москва: Пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015.

² См. напр.: Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. Москва: Фаланстер, 2013.

³ См. напр.: Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — Москва: ОГИЗ, 1937. .

⁴ См.напр.: Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1985.

⁵ См. напр.: Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. Москва: Пер. с фр. В.Большакова, «Инвест - ППП», 1996.

⁶ См.напр.: Cassirer E. The Myth of the State. New Haven–L.: Yale Univ. press, 1946.

Кристофера Флада⁷, Кьяры Боттичи⁸, Мюррея Эдельмана⁹ и Ролана Барта¹⁰. Из современных отечественных теоретиков политического мифа можно отметить Н.И. Шестова¹¹ и В.М. Найдыша¹².

Рассматривают источники и роль элементов символической политики в производстве актуального политического дискурса отечественные исследователи В.А. Ачкасов¹³, П.В. Забелин¹⁴, О.Ю. Малинова¹⁵, О. В. Онопко, Л. П. Ландик¹⁶, Г.И. Мусихин¹⁷ и Е.А. Нахимова¹⁸.

Объект исследования – архаические и современные формы политического мифа.

Предмет исследования – специфика трансформации смысла и содержания политического мифа и его функционала в истории.

Цель работы – проанализировать подходы к интерпретации феномена политического мифа и его роль в воздействии на социально-политическое пространство в истории и современности.

⁷ См. напр.: Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. Москва: Пер. с англ. А. Георгиева, "Прогресс-Традиция", 2004.

⁸ См. напр.: Bottici, Chiara A Philosophy of Political Myth / Chiara Bottici. // Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

⁹ См. напр.: Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971; Edelman M. The symbolic uses of politics. // Urbana: Univ. of Illinois press, 1964.

¹⁰ См. напр.: Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва: Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина, "Академический проспект", 2008.

¹¹ См. напр.: Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

¹² См. напр.: Найдыш, В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. Москва: Гардарики, 2002.

¹³ См. напр.: Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2013. С. 71-77; Ачкасов, В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Сб. науч. тр. Москва : РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. 2012. С. 126-148.

¹⁴ См. напр.: Забелин П. В. Технологии коммуникаций рубежа XIX-XX веков и современная цифровая экономика: исторические аналогии // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 1. С. 39-43.

¹⁵ См. напр.: Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Вып. 3: Политические функции мифов. – М.: ИНИОН РАН. 2015. С. 8-24; Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Москва, 2010. № 2. С. 90-105.

¹⁶ См. напр.: О. В. Онопко, Л. П. Ландик Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды. // «Historia provinciae / журнал региональной истории». 2018. Vol.2 № 3 С. 50-86.

¹⁷ Мусихин, Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102-117.

¹⁸ Нахимова, Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. С. 105-108.

Реализация поставленной цели обеспечивается посредством решения следующих взаимосвязанных задач:

- проанализировать теоретико-методологическую специфику способов описания феномена политического мифа;
- выявить специфику структуры политического мифа и его функций;
- проследить особенности практики мифотворчества в современном пространстве символической политики;
- выявить специфику воздействия политического мифа на процесс конструирования национальной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость данной работы проявляется в том, что она может содействовать дальнейшей унификации понимания феномена политического мифа, а также внедрению в сферу исследования и практики политического мифа.

Теоретико-методологические основы исследования. Автор использует структурно-функциональный подход, обусловленный межсферным формированием современного понимания политического мифа.

Структура данной работы сформирована исходя из цели и задач исследования. Работа состоит из введения, двух глав с четырьмя параграфами, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются основные подходы к пониманию политического мифа и его соотношение с прочими понятиями суггестивной природы, устанавливаются отличительные признаки политического мифа на различных стадиях его преобразования в историческом процессе. Раскрывается структура политического мифа, его функционал и составляющие понятия. Во второй главе рассматривается практика политического мифа в современных политических коммуникациях и его роль в конструировании национальной идентичности. В заключении даны выводы по работе.

Глава 1. Феномен политического мифа

1.1. Теоретические основания понимания феномена политического мифа

Закономерно в начале работы, такой, как настоящая, представить определение рассматриваемого феномена. Однако здесь мы сталкиваемся с нередким затруднением, преследующем все социальные феномены – трудностью составления универсальной дефиниции. Прежде всего здесь стоит отметить, что изучение именно «политического мифа» - явление относительно новое. К тому же, не имеющее собственной дисциплины, представители которой могли бы осуществить попытку унификации всего материала мифа и, в частности, политического мифа. Ранние исследователи настоящего вопроса, как и ныне, были, если их так можно охарактеризовать, представителями разных наук и дисциплин: истории, социологии, антропологии, философии, психологии и прочих. Соответственно, когда мы говорим об изучении ими «политического мифа», чаще имеется в виду рассмотрение «политического аспекта» мифа, тогда как основное внимание сосредотачивается на мифе той «природы», которая будет выступать первичной для конкретной науки или дисциплины. Яснее это будет отражено на конкретных примерах.

Изучение феномена мифа набирает популярность примерно в конце 19 - начале 20 века. Антропологические исследования потестарных обществ того времени, в частности, практика включённого наблюдения, изменили отношение к явлению мифа. Так, известный британский антрополог польского происхождения Бронислав Малиновский, противопоставляя свою позицию сторонникам натуралистической интерпретации мифа, утверждавшей аллегорическое толкование стихийных явлений в их перенесении на символы (солярная теория, сторонники которой искали параллели образов мифа с солнечными явлениями, где основными являются восход и закат, изменение воздействия при перемене сезонов; метеорологическая теория (ветер, погода,

цвет и «рисунки» неба); лунарная теория, искавшие параллели с цикличностью лунных фаз; астральная теория, делавшая упор на звёзды и созвездия), выделяет культурную функцию мифа¹⁹, которая несёт в себе воспроизведение «живой» реальности общества: «Миф вступает в действие, когда обряд, церемония, социальный или моральный закон требуют утверждения и подтверждения их древности, реальности и святости»²⁰. Миф, в интерпретации Малиновского, является инструментом воспроизведения и поддержания культурной традиции общества, это аргумент от прецедента прошлого, утверждающий истинность, справедливость и меру моральности настоящего порядка или конкретного решения.

Здесь же прослеживается и политический аспект мифа – рассматривая миф о происхождении, исследователь приводит пример адаптации одного к изменившимся условиям политической реальности: в рассматриваемом случае у племён имеется общий принцип мифа о происхождении, утверждающий автохтонность данных сообществ на основании того, что предки клана вышли из «конкретно этой» земли, что даёт им права на неё, однако некоторые племена могут терять силу или оказываться в ситуации, когда ближайший сосед имеет большие силы, чем у первого – тогда, закономерно, более сильный клан «берёт» землю у слабого, что попирает упомянутый выше принцип автохтонности – в результате появляется класс рассказов, объясняющий и оправдывающий нестандартное положение вещей²¹.

Также через опыт восприятия потестарных обществ вёл свою интерпретацию мифа французский философ и антрополог Люсьен Леви-Брюль. Он напрямую связывал мифологическое мышление с принадлежностью к архаичным обществам, противопоставляя оные обществам с рациональным мышлением: миф может накапливаться в огромном количестве своих проявлений, однако будет оставаться бессвязным,

¹⁹ Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. Москва: Пер. с англ. А.П. Хомика. — М.: Академический проект, 2015. С. 96.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ Там же. С. 114-115.

разобщи́нным ввиду отсутствия у «практикующих» его обществ традиции современного [допустим, обществ современной Леви-Брюлю Европы] логического мышления – он дологичен²²; мифическое мышление, в понимании мыслителя, отличается принципом партипации (сопричастия), определяющегося последовательной [в понимании человека архаичного общества] мистической связи – оная связь и определяет порядок устройства общества и мироздания вообще²³.

Жорж Сорель, ещё один французский философ, одним из первых мыслителей конца 19 – начала 20 века открывает социально-политическое рассмотрение мифа в современности, а не только в прошлом и на отдельных территориях, где к тому времени сохранились потестарные не модернизированные общества. Рассуждая о сущности всеобщей стачке, Сорель, на тот момент ещё придерживающийся левых идей, называет её мифом, и даёт последнему определение. Звучат оно так: «миф, заключающий в себе весь социализм, совокупность образов, способных инстинктивно вызывать именно те чувства, которые соответствуют различным проявлениям социалистической борьбы против современного общества»²⁴. Если мы опустим идеологические маркеры, то получится примерно следующее: «миф – это совокупность образов, способных инстинктивно вызывать чувства, которые побуждают к тем или иным действиям». То есть, речь идёт об установлении желаемого образа реальности через чувственное побуждение. При этом Сорель отказывается отождествлять этот образ с «утопией» - это инструмент политиков (речь именно о системных\конвенциональных политиках), которым они пользуются для создания «обманчивых миражей будущего»²⁵.

²² Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — Москва: ОГИЗ, 1937. С. 261.

²³ Там же. С. 62

²⁴ Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. Москва: Фаланстер, 2013. С. 129.

²⁵ Там же. С. 130

Миф (а мы уже чётко утвердили его политическую природу), как трактует его философ, не является инструментом идеологии или изображения утопии – он обитает с ними в одном пространстве в качестве средства воздействия на реальность²⁶.

Психоаналитический взгляд на феномен мифа представляет Карл Густав Юнг. Здесь рассматриваемый феномен предстаёт в качестве явления «коллективного бессознательного» - надындивидуальным, универсальным для всего общества, элементом сознания – миф есть ранняя форма знания, первичная интерпретация природных явлений. В глубине бессознательного лежит ещё один важный элемент мифа, названный Юнгом – архетип. Это изначальный структурный элемент психики, являющий образ явления (не окончательную его форму!), который выходит на свет лишь тогда, когда носитель архетипа столкнётся с соответствующим явлением в одной из его возможных форм²⁷.

Французский структуралист Клод Леви-Стросс уделяет внимание не столько мифу как таковому, сколько логике мифа. И хоть в своих рассуждениях он и рассматривает миф в контексте жизни «примитивного» общества, он не делает различия между мышлением человека современного и человека «первобытного»²⁸. Миф, в его понимании, является инструментом разрешения противоречий реального мира в своевременном его восприятии. При этом отличия между логикой мифологического мышления и логикой позитивного, рационального мышления минимальны²⁹.

Также Леви-Стросс противостоит во мнении ранее упомянутому Сорелю, рассматривая идеологию в качестве замены мифа³⁰. Как и в случае с логикой мышления человека прошлого и человека настоящего, их природа отождествляется, однако пребывают они в различных контекстах прошлого и

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Бутолина, О. А. Место К. Юнга в философской рефлексии мифа // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. С. 13-14.

²⁸ Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 207.

²⁹ Там же. С. 206.

³⁰ Там же. С. 186.

настоящего при соответственно отличающемся технологическом и социально-политическом инструментарии.

Немецкий философ и культуролог, представитель Марбургской школы неокантианства, Эрнст Кассирер представляет миф и, в равной степени, политический миф в качестве символической системы знаков, ограничивая её воздействие до пределов имеющегося у общества инструментария и знания³¹. Миф закрепляет образ мира (в частности, при отсутствии развитых институтов социально-политической организации), являя в себе синкретизм идеального представления и условий реального мира. В современных условиях миф в подобной трактовке начинает занимать место «кризисной меры», когда пропадает вытесняющая миф и его потенциал организации сила – рациональная организация общества³².

Кассирер видит политический миф возродившимся в 20 веке, прежде всего, в явлении так называемых тоталитарных государств³³, в роли их политических лидеров, выполнявших ту же функцию, что и маги в первобытных обществах – реализация мистической способности усматривать «лучшее», будь это путь развития государства или конкретное решение, в сочетании с харизматическим характером лидерства³⁴.

Вторая половина двадцатого века оказалась переломной для настоящей темы ввиду роста популярности анализа именно политического мифа. Этому предшествует несколько причин: возросшая политизация общества; рефлексия по политическим событиям первой половины двадцатого века и, в частности, последствий становления в Германии режима национал-социалистической партии (я бы добавил к этому преобразования Италии при руководстве Муссолини); нарастающая конфронтация ведущих держав мира и формирование биполярного мира; необходимость развития инструментария влияния на массы; развитие технологий и, в частности, информационно-

³¹ Cassirer E. *The Myth of the State*. New Haven–L.: Yale Univ. press, 1946. P. 277-278.

³² Там же. С. 279-280.

³³ Там же. С. 295.

³⁴ Там же. С. 282–289.

коммуникативной инфраструктуры. Приведём некоторые примеры воззрения на миф в сложившихся условиях реальности.

Мирча Элиаде – румыно-французско-американский философ и этнограф приводит следующее определение мифа: «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена «начала всех начал». Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то всеобъемлющая реальность, космос или только ее фрагмент: остров, растительный мир, человеческое поведение или государственное установление. Это всегда рассказ о некоем «творении», нам сообщается, каким образом что-либо произошло, и в мифе мы стоим у истоков существования этого «чего-то». Миф говорит только о происшедшем реально, о том, что себя в полной мере проявило. Персонажи мифа — существа сверхъестественные. Они общеизвестны, так как они действуют в легендарные времена «начала всех начал»³⁵. Очевидно, Элиаде склонен относить мифологическое восприятие мира к древним временам до момента смены его религиозным восприятием мира³⁶. Однако он допускает существование «некоторых мифов современного мира»: он усматривает их в ссылках к «великому прошлому», к примеру, утверждение своей причастности к добродетелям, воспетым Титом Ливием и Плутархом деятелями французской революции или ссылка на миф об «арийцах» в Германии³⁷. Отдельно автор «Аспектов мифа» отмечает роль СМИ в мифотворчестве современности – здесь политический миф ярко расцветает в личностях, приписывая им невероятные, почти мистические, способности.

Профессор британского университета Суррея Кристофер Флад даёт своё размежевание между мифом как таковым, он называет его «священный миф», и политическим мифом. В определении «священного мифа» он ссылается на

³⁵ Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. Москва: Пер. с фр. В.Большакова, «Инвест - ППП», 1996. С. 14-15.

³⁶ Там же. С. 97.

³⁷ Там же. С. 180-191.

уже упомянутых здесь мыслителей: Клода Леви-Стросса, Бронислава Малиновского, Мирча Элиаде. Подход Флада – очередная попытка унификации определения мифа через анализ его функционала, рассмотренного с разных исследовательских позиций: отражения и обоснования сложившихся форм отношений между социальными группами; доминированием одной группы над другой; выражение сопротивления низших гегемоний высшим. Миф – средство и показатель социальной дифференциации. В этой роли, для обществ прошлого, он аналогичен идеологии для общества современного.³⁸

Политические мифы, как утверждает автор, имеют идентичную священному мифу сущность, которая, здесь главное отличие, является идеологически обусловленной: «...дадим политическому мифу следующее определение: идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах.»³⁹

Рассмотрим взгляд на сущность политического мифа отечественного исследователя, профессора Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского Николая Игоревича Шестова. Он выдвигает такое определение социально-политического мифа: «Социально-политический миф — это форма политической творческой активности, содержанием которой является конструирование стереотипных представлений о политических реалиях прошлого и настоящего»⁴⁰. Нам представлено обособленное определение политического мифа (пишется «социально-политического»), однако противоречия здесь нет, поскольку политическое априори социально ввиду

³⁸ Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. Москва: Пер. с англ. А. Георгиева, "Прогресс-Традиция", 2004. С.39.

³⁹ Там же. С. 42.

⁴⁰ Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 79.

своей принадлежности к «дискурсу» человеческого общества), что подводит черту в признании современности и своевременности политического мифа.

Конечно, это не полный список мыслителей, имевших своё воззрение на феномен мифа и политического мифа. Мы могли бы расширить социологическое восприятие феномена у Малиновского и Леви-Брюля мнением Эмиля Дюркгейма, представить взгляд Шеллинга, на которого в своих размышлениях ссылался Эрнст Кассирер, раскрыть семиотическую концепцию через работы Ролана Барта и Юрия Лотмана, однако в этом нет нужды. Что нам важно, так это постепенная консолидация отдельных представлений о мифе и его политическом аспекте в относительно универсальное понимание, учитывающее аспекты истории, психологии, социологии и прочих наук, а также допущение мифа до современности, актуализация, казалось бы, архаичного явления.

Политический миф – универсальное для всех человеческих обществ явление. Это утверждение зиждется на аксиоматическом понимании природы общественной организации: если есть человеческая общность, значит есть основание, на котором оно существует и считает себя отдельной группой, а у этого основания имеется легитимирующая его аргументация, заставляющая общество согласиться с установленной в этой общности организации власти.

Однако имеется проблема понимания политического мифа исследователями – отличия «реализации» одного в разных исторических эпохах: сменяются авторы и акторы, создающие политический миф и наделяющие его силой – если в Древнем Египте в разные эпохи это могла быть аристократическая элита или жречество, устанавливающая канон легитимирующего правление фараона «сочинений», изображавшихся публично на пирамидах и обелисках, то в современной конституционной демократии это будет конституция и поддерживающие её политические элиты (в идеале). Здесь можно справедливо отметить тот факт, что сам феномен «политического» в мифе не является новым, и современными исследователями роли политического мифа в социально-политической жизни

общества он обособливается на основании своей связи с преобразованием общества в массовое (в смысле постепенного увеличения «аудитории», имеющей способность и, зачастую, необходимость осмысливать собственную идентичность и положение общества в сочетании роста населения и совершенствования технических средств коммуникации), уходом «старых» форм социальной организации, иерархии общества и, конечно, идеологией. То есть, исключительно в контексте современности. В чём же тогда действительные отличия современного и архаического мифа?

Для начала стоит провести границу между мифом архаики и современности. Безусловно, никакого «плавного» перехода от одного к другому быть не могло – здесь справедливы замечания Мирча Элиаде о смене мифологического на религиозное сознание в контексте распространения христианства, хотя он здесь трактует миф в качестве конкретных явлений предшествующих традиций по типу элементов культа солнца: «Евангелие и другие первоначальные свидетельства пропитаны «мифологическими элементами»»⁴¹. В отношении легитимации власти аргументация практически не терпит изменений, если не вдаваться в подробности (например, в христианском воззрении отсутствует миф о происхождении правящей династии от божества). Главный аргумент – божественная природа власти – остаётся неизменным.

Провести условную границу между «до» и «после», между классическим и формирующимся современным политическим мифом, можно на событиях периода Нового времени. Мы рассматриваем период преобразования, основываясь не на принципе «появления признака\условия современного политического мифа», а на принципе его распространения, абсолютизации среди развитых государств того времени. Рассмотрим эти явления:

- Отход от религиозного воззрения на мир. Рационализация сознания заставила человека отойти от устоявшихся мифов к новым.

⁴¹ Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. Москва: Пер. с фр. В.Большакова, «Инвест - ППП», 1996. С.162-163.

- Индустриализация:
 - Технологическая модернизация информационно-коммуникативной инфраструктуры. Улучшение дорог, появление и расширение шоссе; строительство железных дорог⁴²; появление радио. Всё это упрощает как взаимодействие между государствами, так и внутри них. В первом случае в качестве примера можно упомянуть опасения Германской империи перед Первой мировой войной по поводу модернизации и расширения сети российских железных дорог – в случае начала боевых действий это позволило бы провести мобилизацию населения в сжатые сроки, что дало бы тактическое и стратегическое преимущество России перед её потенциальными западными соперниками. Здесь же можно отметить возросшую эффективность административного управления. Во втором случае, возьмём абстрактный пример, значительно упрощается переговорный процесс среди международных акторов, что позволяет снизить издержки по ведению дипломатических переговоров и грамотно управлять фактором времени при необходимости подобных действий. В отношении политического мифа это прямо сказывается на формировании образа государства\личности\организации через фактор расширения перечня потенциальных действий, которые рассматриваемый актор может предпринять.
 - Создание мирового рынка⁴³. В первую очередь, это расширение пространства обмена идей. Обусловленное развитием книгопечатанья и процессом постепенного упрощения перемещения по миру (появление устоявшихся маршрутов и

⁴² Забелин П. В. Технологии коммуникаций рубежа XIX-XX веков и современная цифровая экономика: исторические аналогии // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 1. С. 39-43.

⁴³ Найдыш, В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. Москва: Гардарики, 2002. С. 393.

налаживание торговых и политических связей), оно способствовало распространению политических феноменов того времени по миру, распространяя их охват и генерируя локальные проявления оных. Революционные организации, просвещённый абсолютизм, утопические проекты, идеологические воззрения и прочее не было бы возможно без названного условия.

- Экономический рост государств, а также рост и усложнение производства товаров и услуг. Здесь важен фактор обеспеченности населения необходимыми жизненными благами в той степени, при которой могут возникнуть условия для роста беспокойности населения своим социально-политическим положением. Это кардинально меняет подход к мифотворчеству. Не случайна постепенная переориентация (революционная или реформистская) от института подданчества к институту гражданственности. Хорошим примером является принятие Конституции Франции 1791 года при правлении Людовика XVI: стоявшая во главе конституции «Декларация прав человека и гражданина»⁴⁴, её третий пункт, гласящий об «источнике суверенитета, зиждущемся по существу в нации», и второй пункт первого отдела второй главы, утверждающий монарху титул «короля французов»⁴⁵, а не короля Франции.
- Урбанизация. Постепенный уход сельского населения в города, и разрастание последних преобразовало жизнь стран, оптимизировав процесс взаимодействия политических акторов и народных масс. Для государства это, как и ранее, означает необходимость преобразовать свою политику таким образом, чтобы сохранить себя и способность мобилизации граждан\подданных на те действия, которые отвечают

⁴⁴ Документы истории великой французской революции в двух томах. Том первый / А. В. Адо, Н. Н. Наумова, Л. А. Пименова, Г. С. Черткова. Москва: издательство Московского университета, 1990. С. 112.

⁴⁵ Там же. С. 121.

интересам правящей элиты (представляет она народ, конкретную личность или какие-либо политические элиты). Урбанизация – это отмирание одной локальной идентичности (сельской, ориентирующейся на земельные владения и имеющей малую заинтересованность в «национальной» идентичности), и образование\разрастание другой, которая в условиях доминирования империй того времени может склонять, и склоняла, к сепаратизму. Подобные условия вынуждают заниматься конструированием идентичности, пользуясь для этих целей политическим мифом.

- Повышения уровня образования среди населения. Это не только способ повышения квалификации работника, но и один из главных инструментов формирования идентичности. Изложение национального мифа в учебниках – это феномен современной истории. В Новое время образование, в рамках рассматриваемой темы, является, в первую очередь, способ надления населения инструментарием, необходимым для расширения перечня воспринимаемых символов.
- Становление национального государства. Данный момент – и причина, и следствие усугубления вышестоящих пунктов. Теперь государство – это не вотчина монарха, а принадлежащая народу государства «исконная» территория, завещанная предками. Не имеет значения социально-политический уклад или, как выразились бы марксисты, общественно-экономическая формация общества того времени, к которому ссылается политический миф – роль играют объединяющие факторы языка, противостояния общему врагу, исторического происхождения, религиозных воззрений, этничности и многие другие.
- Возросший процент неавтократических государств. Здесь принципиален момент подход к легитимации власти государств, ориентирующихся на демократическую организацию институтов управления. Открытое поле конкуренции стимулирует развитие

технологий анализа политического (в частности, избирательного) процесса и рационального, эффективного управления.

При утверждении названной позиции по разграничению архаического и современного политического мифа стоит учитывать непостоянность границы, и, как упоминалось ранее, её условность. Общество конца Нового времени – это не то же общество, что и ныне. Как минимум, оно не имело той же вовлеченности в информационную среду, какое мы имеем сейчас. Близость радио, при всей его революционности, и близость смартфона, телевизора и прочих схожих по функционалу донесения информации устройств (при учёте изменившегося подхода к донесению информации) несопоставимы.

Однако имеются универсалии, которые присущи как древнему, так и современному политическому мифу. Попробуем проникнуть в сущность вопроса, не называя функций мифа, которые будут представлены в работе после, а отмечая неизменные «внутренние» характеристики явления:

- Мифологизация прошлого. Использование его с целью легитимации действующей власти через синхронизацию оной с «непрерывной» традицией. Здесь существует отличие в подходе к истории, на которую идёт ссылка. Миф архаики склонен ссылаться на мистическое, божественное происхождение власти, тогда как миф современности, имея, в человеческом лице, «багаж» позитивного знания и рационального подхода к толкованию опыта, больше говорит о действительно случившемся, давая необходимую в конкретном случае интерпретацию.
- Ритуал как поддерживающая и создающая образ сила. Ритуал, будучи инструментом передачи символов, создаёт ощущение причастности, даёт возможность идентификации в обществе по принципу «свой-чужой», удерживает членов общества в кругу практикующих ритуал.

- Коллективный характер мифа. Миф – это всегда воздействие на прочих, природа мифа изначально социальна. «Миф», создающийся для себя – есть индивидуальная мистификация.
- Архетипичность. Миф всегда ориентируется на праобраз. Он существует в контексте, и неотделим от него. В этом его универсальность, гарантировавшая появление мифа во всех обществах вне зависимости от наличия или отсутствия между ними связей.
- Практическая сущность мифа. Человек заинтересован не в истинности мифологических утверждений, а в потенциальной пользе (или вреде) от их применения⁴⁶.

Многие современные исследователи политического мифа, подтверждая наличие «вечных» признаков у интересующего нас феномена, развивают это утверждение, создавая типология политического мифа. Примером этого может являться статья⁴⁷ Л.Л. Штофер и О.М. Шевченко на соответствующую тему. Они выделяют следующие типы:

- Персонифицированные политические мифы. Один из первоначальных легитимирующих мифов, который имел весомую потенцию к выстраиванию большой структурированной системы нарративов, основывающихся, в архаических вариациях, на космогонии (божественное происхождение власти и, часто, самих правителей на примере фараонов Египта, лугалей Месопотамии, императоров Китая...) и, в современных версиях, на харизме лидера, легальности и\или идеологических конструкциях. Данный тип мифов крайне «эластичен» - он подвержен синкретизму, опровержению и переосмыслению. Так, в случае кризиса по причине конца правления личности, на которой держался миф,

⁴⁶ Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва: Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина, "Академический проспект", 2008. С. 307.

⁴⁷ Штофер, Л. Л. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада/ Л. Л. Штофер, О. М. Шевченко. // ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 4. С. 206-213.

связанный с ней миф может быть переориентирован в пользу того центра силы, который одержит верх в борьбе за власть. Так, случай демифологизации мы можем видеть, например, в сворачивании реформ Эхнатона, предпринявшего попытку реформировать древнеегипетскую религию в монотеистическую (или близкую к ней) форму⁴⁸ - после смерти фараона политические элиты (как минимум, жречество и властители номов или септов) продолжили борьбу за превосходство собственных интересов, постепенно приведя культ Атона в упадок и поспособствовав смене династии. Аналогичный пример имеется на другом «краю» истории – доклад Никиты Сергеевича Хрущёва «О культе личности и его последствиях», повлёкший за собой так называемое «развенчание культа личности Сталина». Новая реальность, «осуждающая и искореняющая как чуждый духу марксизма-ленинизма ... культ личности»⁴⁹, позволила новой власти провести свои перестановки в правящих элитах и скорректировать курс развития государства.

- Политические мифы цивилизационного превосходства. Понятие «цивилизации» само по себе является мифологемой. В первую очередь, если мы рассматриваем политический миф, это явление гегемонии, и лишь потом понятие, содержащее в себе культурную характеристику, как то изложил Николай Яковлевич Данилевский в «России и Европе»⁵⁰. Авторы излагающейся типологии политических мифов ошибаются во мнении о первенстве в изложении данного типа мифа в Македонской империи – как минимум, ей предшествовали древние государства Египта и Китая, трактовавшие собственное положение по отношению к

⁴⁸ Федяев, А. П. Эхнатон и культура древнего мира // ВЕСТНИК КемГУКИ. 2014. № 28. С. 165-170.

⁴⁹ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущёва Н. С. XX съезду КПСС. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 165.

⁵⁰ Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. Москва: ООО Группа Компаний "РИПОЛ классик". С. 111-138.

миру в качестве «центрального». Однако можно согласиться с ними в первичности империи Александра Македонского на позиции «цивилизующего государства» - типа империи, принимающего синкретизм, как действенный инструмент по удержанию власти в регионе. Упомянутые Египет и Китай хоть и были подвержены явлению синкретизма, проводили этот процесс в течение долгих лет – сотен, и даже тысяч. Всё это сопровождалось множеством кризисов, разрушавших и собиравших империи из раза в раз. Государство Александра смогло пройти этот процесс в кратчайший срок, явив и при своём развале гегемонию эллинистической культуры в регионе Ближнего Востока. Дальнейшее развитие данного типа мы видим в колониальных империях и в государствах-гегемонах биполярного мира.

- Религиозный политический миф. Здесь следует верно трактовать политическую потенцию религиозных институтов, существовавших с самых древних времён. Свою силу они, образуя феномен религиозного политического мифа, набирают в эпоху средневековья и, в значительной степени, представлены и ныне. Если говорить о средневековом проявлении данного типа мифа, то наибольшую силу он проявляет в мифах о Вселенской христианской церкви и Исламском халифате. К легитимации правления прибавляется ещё и легитимация расширения, завоевания. В случае христианства — это, конечно, крестовые походы, в случае ислама – само расширение халифата. Что уж и говорить об абсолютизации религиозной мысли, где аргументация ко всякому действию будет апеллировать к божественному явлению (или противостоянию оному). Апогей религиозного мифа, что иронично, явился в реформации христианской церкви – ирония, конечно, в появлении автономных церквей,

способствовавших образованию национального сознания. Часто упускают ещё одно крупное явление религиозного политического мифа – небесный мандат, выступавший главным источником легитимации власти правящей династии в Китае. Секуляризация значительно снизила количество видимых проявлений рассматриваемого типа, однако это не означает полного его исчезновения – для широких масс он всё ещё виден, в первую очередь, в самых своих радикальных проявлениях. Наиболее умеренное из таких - исламская революция в Иране, выставившая религиозные институты на место высших эшелонов власти ранее формально светской Персии. Куда радикальнее движения исламских фундаменталистов, практикующих террористические методы борьбы за собственные идеи и провозглашённые своими территории: Талибан, ИГИЛ, Аль-Каида и прочие (запрещённые в Российской Федерации террористические организации).

- Светские мифы. От «Левиафана» Томаса Гоббса до «средства достижения коммунистической утопии», оные утверждают роль государства в качестве ведущего фактора формирования мироустройства. По мере роста своей централизации и экономической состоятельности, государство начинало всё больше разрастаться в области регулирования социально-политической, экономической и прочих сфер реальности. Установление идеи «лучшего порядка» происходит именно через инструментарий государства, обладающего монополией на легитимное насилие. При этом стоит отметить, что акцент установления государственного мифа, по мнению автора настоящей работы, значительно сместился с внутреннего воздействия, которое не исчезло, но стало более рутинным, оставаясь во внутреннем дискурсе государства и не выходя наружу (что сильно отличается от упомянутой ранее эпохи

«просвещённого абсолютизма» - здесь играет роль и наличие устоявшихся идей, и институционализация со значительным отмежеванием от общественной жизни академической среды), на внешнее воздействие, когда важно представить свою позицию для третьих сторон в правильном свете.

Также имеется иной взгляд на типологию политических мифов⁵¹:

- «Абсолютная мифология». Эталон реализации мифа, демонстрирующий высшую эффективность его реализации. В качестве примера приводятся тоталитарные режимы двадцатого века.
- «Вечные мифы»\«долгосрочные мифы». Основываются на «вечных» образах, архетипах, ориентирующих к полярности мира: «добро\зло»; «герой\злодей». Актуальны в любой момент истории. Можно также выделить «краткосрочные мифы», ориентирующиеся на отдельный политический акт и не претендующие на поддержание себя в долгосрочной перспективе.
- «Национальные мифы». Мифы, заставляющие определённую общность людей помышлять себя в качестве единого сообщества – нации.
- «Мифы-технологии». Искусственные мифы, ориентирующиеся не на архетипы, а на сложившиеся в обществе суммы оных – более крупные единицы, составляющие структуру мифов.

Наличие утверждённой типологии политического мифа и теоретических воззрений на его определение (в смысле как дефиниции, так и раскрытия содержания), однако, имеет малое влияние на снижение процента разобщений в интерпретации различных понятий у исследователей актуального вопроса. Посему попробуем раскрыть соотношение «политического мифа» с некоторыми такими понятиями.

⁵¹ Балахонская, Ю. В. Отличительные особенности политической мифологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С.189-194.

«Политический миф» и «утопия». Часто можно слышать мнение об однородности, и даже синонимичности данных явлений или, наоборот, противопоставление утопии и мифа. Первое утверждение исходит из сочетания мифологизированности некоторых утопических проектов, использования в реализации таких проектов политических мифов в качестве инструмента реализации отдельных условий для осуществления намеченного политического плана и, как справедливо отмечает Кьяра Ботиччи, наличия у них регулятивной функции⁵², направленной на реформирование современности. Второе же на мнимом «устремлении в будущее» утопии и «ссылке на прошлое» мифа. Однако ни одно из представленных мнений в абсолютной своей позиции не будет являться верным. Имеются сходства: и политический миф, и утопия, в первую очередь, направлены на актуальную реальность и способствуют тем достижению целей акторов. «При этом, оказавшись в настоящем, миф стремится к унификации своего сложного иррационального содержания, а утопия стремится к гармоничной целостности конфликтующих частей в тотальном»⁵³. Имеются и различия: утопия – проект, часто сопровождающийся планом\руководством по собственному достижению, тогда как миф – это образ, вызывающий эмоциональный отклик в аудитории, на которую ориентируется; политические мифы действуют «сейчас», они не выдают окончательный вердикт реальности, чем, в отличие от них, занимается утопия – утопия претендует на вечность, политический миф же более эластичен, он стремится «быть частью», а не Абсолютом⁵⁴.

«Политический миф» и «легенда». Данный случай, выражающийся в синонимичном понимании явлений, можно рассматривать либо как проявление неверной интерпретации понятий, основанной на выделении схожих признаков в лице наличия нарратива и отнесения одного к прошлому, либо в качестве акта манипуляции, изначально трактующего понятие

⁵² Bottici C. A Philosophy of Political Myth // Cambridge: Cambridge University Press, 2007. С. 198.

⁵³ Мусихин, Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 105.

⁵⁴ Bottici C. A Philosophy of Political Myth // Cambridge: Cambridge University Press, 2007. С.199-200.

политического мифа в качестве нелепицы\обмана. Ответ на это недоразумение даёт Кристофер Флад, отделяя миф от прочих форм повествования на основании некоторых критериев: «миф есть рассказ, приобретший статус священной правды внутри некоей социальной группы (или нескольких); при этом он, вероятно, не имеет священного значения в глазах наблюдателя, который определяет его как миф ... Мифы также не тождественны легендам, которые в данной социальной группе (или нескольких группах) почитаются за истину, однако не несущую священного смысла»⁵⁵.

«*Политический миф*» и «*идеология*». Имеют место представления о схожей природе оных: профессор Чикагского университета Брюс Линкольн определяет миф в качестве идеологии в нарративной форме⁵⁶, также мы уже употребляли в настоящей работе определение Кристофера Флада, подчёркивавшего идеологическую природу мифологического нарратива. Звучат идеи о преемственности политического мифа и идеологии, будто бы второе заменило первое – такую позицию изложил Леви-Стросс⁵⁷. При этом всё́м стоит помнить качественное отличие этих явлений. Мифология, в «чистом виде», не предполагает безальтернативности, соперничества, позиции «или\или», на чём настаивает идеология ввиду принадлежности к конкретному набору\сочетанию идей. Здесь (в мире господствующих идеологий – хотя бы по признаку их присутствия в дискурсе и банального партийного идеологического самоопределения) мифология скорее становится частным случаем, инструментом действия идеологии. Это подчёркивает Клавиц⁵⁸. Действительно, в устоявшемся политическом дискурсе, чтобы проще утвердить создаваемый или существующий политический миф и привлечь сторонников, эффективно будет подчеркнуть некоторые

⁵⁵ Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. Москва: Пер. с англ. А. Георгиева, "Прогресс-Традиция", 2004. С.33.

⁵⁶ Lincoln B. Theorizing myth: Narrative, ideology and scholarship. // Chicago: Univ. of Chicago press, 1999. P.141-160.

⁵⁷ Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 186.

⁵⁸ Claviez T. Grenzfalle. Mythos-Ideologie-American Studies. Trier: Wissen-schaftlicher // Verlag, 1998. P. 333.

идеологические нарративы – что уж говорить об обратной ситуации, когда идеология пользуется политическим мифом для утверждения какого-либо образа. Однако именно второй случай будет универсальным, поскольку человек неизменно эмоциональное существо, и упускать такой механизм воздействия будет просто неразумно – идеология, как и всякая социальная идея, ориентируется к обществу. Первый случай – частность, ибо политический миф может существовать без идеологической «подпорки». Примером этому случаю может послужить само наличие государства (если мы, конечно, не обсуждаем его в дискурсе идеологий, придерживающихся ценностей антиэтатизма) – это исключительный миф, идея, главная функция которой носит организующий характер по отношению к обществу. Можно сказать, это форма собрания. Кьяра Ботиччи приводит следующие характеристики, которыми обладают политические мифы, понимаемые в качестве идеологии: 1) Они представляют собой системы идей, раскрывающие универсальную истину, тем самым претендующие на тотальность; 2) они разжигают пыл; 3) они утопичны, поскольку пренебрегают сложностью реальности и конкретными историческими обстоятельствами⁵⁹. Миф также, в отличие от идеологии, предполагающей конфронтацию ввиду множественности противоречащих друг другу её явлений, не предполагает конфронтационного нарратива⁶⁰.

Заключая всё вышеуказанное, при составлении дефиниции политического мифа для понимания онога и эффективного его применения, мы должны сосредоточить своё внимание не столько на попытке создания «универсальной» версии определения, но выделить эксклюзивные для современной версии феномена элементы, что больше будет соответствовать «эластичной» природе политического мифа.

⁵⁹ Bottici C. A Philosophy of Political Myth // Cambridge: Cambridge University Press, 2007. с. 186

⁶⁰ Мусихин Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 103.

Таким образом, сущность мифа и политического мифа определялась через множество мыслителей из разных сфер, сходясь на универсалии межсферного символического взаимодействия, где цель и причина – управление смысловыми единицами человеческого общества. При этом стоит помнить о соотношении политического мифа с прочими понятиями: он не феномен символической политики прошлого, а актуальный во все времена инструмент управления смыслами, сообразующийся с актуальными формами политической идентификации.

1.2. Специфика политического мифа и мифопрактик.

Мы уже рассмотрели некоторые характеристики и фигуры политического мифа (ритуал, коллективность, архетипичность, ориентация на практику), однако они не показывают в полной мере специфики политического мифа. Для её раскрытия следует чётко утвердить структуру политического мифа, базовые фигуры, которые её формируют, и функционал этих составляющих.

Архетип\ментальность\стереотип. Основой, «пространством» и целью всякого мифотворчества является человек – эмоциональное существо, взаимодействующее с миром в мере интерпретации множества компонентов, формирующих его, мира, цельную форму. Элементарную единицу этой интерпретации и всякой идеи, которой является и политический миф, будет составлять архетип, детище Карла Густава Юнга, которое мы уже упоминали ранее. Однако трактовать это понятие мы будем в ориентации на позитивизм, поскольку рассматриваем его с точки зрения исследователя и, если до того дойдёт, потенциального «конструктора» политического мифа. В данном случае нам придётся отвергнуть юнговское «коллективное бессознательное» ввиду сложности или невозможности его рассмотрения и определения «границ» данной структуры. Иначе же под вопрос ставилась бы инструментальная роль архетипа в конструировании идей, что рушит саму идею символической политики. Более крупным элементом, состоящим из нескольких элементарных единиц, можно назвать стереотип, являющийся инструментом упрощённого понимания, в нашем случае, политических объектов в привязке к отдельным их характеристикам⁶¹. Следующим по «размеру» того же рода элементом политического мифа можно считать понятие «ментальности», более крупную форму, составляющую «набор единиц» архетипа, сочетание которых обусловлено её принадлежностью к

⁶¹ Осьмачко, С. Г. Культурологические проблемы взаимодействия мифа и стереотипа в современном общественном сознании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 248.

конкретной сети связей индивидов или какому-либо обществу. Ментальность имеет взаимное влияние на формирование традиций культуры, социальных структур и среды жизнедеятельности человека⁶².

Нарратив. Повествовательная форма – это то, что роднит современный политический миф с архаическим мифом⁶³. Эта «развёрнутая» форма изложения политического мифа, «излагающая его события в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетную линию развития и финальную развязку»⁶⁴, чаще относится к «масштабным» его вариациям, нуждающимся в легитимирующем представлении в рамках общего дискурса настоящего, что являет нам «объясняющую» функцию нарратива, или исполняет «связывающую» роль, соединяющую несколько мифологических традиций. Ролан Барт отмечает следующую особенность современного мифа – дискретность⁶⁵. То есть, современный миф склонен к отделению от масштабных мифологий в пользу частных его проявлений, что заставляет часть современных акторов исключать нарратив из структуры мифа, концентрируясь на его функциях. Опровергнуть это, конечно же, довольно легко – можно обратить внимание на мифы о демократии, мифы идеологий (хотя бы те, что увязывают общую традицию конкретной идеологии), мифы национальных государств и прочие. Г.Л. Тульчинский отмечает представленность наррации минимум на трёх уровнях: 1) элементы в лице акторов, документов и событий, формирующие фактологическую базу; 2) формирование сюжетов при помощи простейших приёмов «связки» на основе сформировавшейся базы; 3) толкование целого получившейся формы нарратива⁶⁶.

⁶² Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Москва: Мысль. 2010. С.525-526.

⁶³ Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. – Вып. 3: Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН. 2015. С. 7.

⁶⁴ Тульчинский, Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония. // Символическая политика: Сборник научных трудов. 2017. № 4. С. 67-68.

⁶⁵ Barthes R. Image, music, text / Selected and transl. by S. Heath. // L.: Fontana press, 1977. P. 165.

⁶⁶ Тульчинский, Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония. // Символическая политика: Сборник научных трудов. 2017. № 4. С. 69.

Символ. Неотъемлемая часть политического мифа и мифа «вообще», наделяющая нарратив «мифологичностью». Является знаком, обозначающим смысловую и, в зависимости от случая ещё и эмоциональную характеристику предмета материальной или, собственно, смысловой\ умозрительной реальности. Формирует образ восприятия явления, ограничивая (или, наоборот, расширяя) область допустимой его интерпретации.

Интерпретация. Является отдельной составляющей мифа ввиду собственной вариативности. Расширяет функционал политического мифа, закладывая в него антагонистический или консолидирующий потенциал.

Контекст. Являет собой пространство действия мифа. Это сложившиеся исторические, социально-политические, экономические и прочие условия, влияющие на восприятие мифа в конкретной ситуации. Он же способствует изменению меры актуальности политического мифа на разных временных промежутках, будь это города-государства Шумера и миф покровительства конкретного божества над отдельным городом-государством или уместность агитации за «единственного справедливого кандидата» на выборах, допустим, Президента.

Акторы. Источник, часть и объект действия политического мифа. Современный миф, в подавляющем количестве случаев, создаётся целенаправленно, воздействуя на аудиторию (тот же электорат на выборах) с целью заставить её верить в утверждения, изложенные в символической интерпретации нарратива мифа⁶⁷.

Здесь представлена структура абстрактного политического мифа – она максимально обобщена и ссылается только на общие для таких мифов положения. Однако правильнее было бы говорить о «структурах политического мифа». Общая форма структуры мифа претерпевает изменения в зависимости от функций, которые он носит. Посему перечислим функции мифа:

⁶⁷ О. В. Онопко, Л. П. Ландик Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды. // *Historia provinciae / журнал региональной истории.* 2018. Vol.2 № 3. С. 56-57.

Легитимирующая (нормативная) функция. Выделяемая многими исследователями в качестве главной функции политического мифа, она действительно соответствует общепризнанной главной цели в дискурсе политического – власти. Необходима для утверждения и поддержания образа должного политического уклада в глазах подданных\граждан государства\политической организации.

Делигитимирующая функция. Умещается в объём предыдущей названной функции, однако выделением данного пункта мы подчёркиваем деструктивную потенцию политического мифа, способного аргументировать изменение баланса сил в политической сфере.

Интегративная функция. Позволяет индивиду, ориентируясь на культурные образы, причислять себя к той или иной социальной группе в ориентации на признак «свой-чужой». Является инструментом влияния на маргинальные (по отношению к доминирующей группе) сообщества, воздействуя на их социальное и культурное поведение.

*Функция смыслонаделения\когнитивная*⁶⁸. Данная функция заставляет политический миф выступать в качестве «когнитивной схемы, облегчающей восприятие реальности за счёт упрощения и селекции того, что вписывается в освоенные смысловые модели»⁶⁹. Миф социализирует человека, приходящего в мир, при этом опережая получение позитивного знания. Более того, она остаётся актуальной на протяжении всей жизни, формируя облик справедливости не только для ребёнка, но также для нации или другого общества, характеризующегося определённым типом морали.

Легализующая функция. Относится к сфере закона, гарантия которого не ограничивается монопольным правом на насилие в руках государства. Легализация общественных и законодательных норм позволяет установить моральный паритет в обществе, что снижает процент конфликтов в нём.

⁶⁸ Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971. P.31-34.

⁶⁹ Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 3: Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН. 2015. С. 15.

Функция конструирования идентичности\мировоззренческая функция.

Отвечает за перенесение идеальных или «объединяющих» образов и представлений на индивида и\или общество, формирующих его идеологическую, культурную и социальную ориентацию в социально-политическом пространстве. Влияет на образование обществ, утверждающих единую идентичность по какому-либо из признаков (класс, нация, этнос и др.)

Мобилизующая функция. Миф создаёт яркие образы, оборачивает идею в яркую упаковку, воздействуя на коллективную (хотя актуален и частный случай) базу эмоционального восприятия общества – это побуждает к сохранению веры в дело и может подвигнуть на крайние меры по выполнению той или иной политической программы (или плана, согласующегося с его политическим заказчиком).

Манипулятивная функция. Часто приписывается мифу сторонниками определения последнего в негативной коннотации⁷⁰. Конечно, подобное понимание, возводящее «миф-манипуляцию» в абсолютную форму, ошибочно, хоть и имеет место быть. Ролан Барт говорил о «деполитизации вещей»⁷¹ - способности мифа к деконструированию понятий, исключаящую былое смысловое значение («удаляющую реальность») и эмоциональный окрас мифа, и придающий ему статус «нормального».

Таким образом, мы выделяем базовые фигуры политического мифа: архетип\ментальность\стереотип, нарратив, символ, интерпретацию и акторов. И, также, функции политического мифа: легитимирующую, делигитимирующую, интегративную, функцию смыслонаделения, легализующую, конструирования идентичности, мобилизующую и манипулятивную.

⁷⁰ Летуновский, П. В. Миф как средство и фактор политики государств / П. В. Летуновский, А. М. Петрунин. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции. Севастополь: Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 443.

⁷¹ Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва: Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина, "Академический проспект", 2008. С. 304-305.

Глава 2. Место, роль и формы политического мифа в современных политических коммуникациях

2.1. Политический миф в теории и практике символической политики

В первую очередь уточним настоящее понимание понятия символической политики. Это не только план государства по управлению смыслами в той или иной сфере, но сфера взаимодействия политических символов, основу которой составляет политический миф (и малые его проявления в частных случаях управления символами).

Меру актуальности политического мифа в конструировании современной символической политики определяет та её практика, которая направлена на формирование целостного восприятия индивидом политической реальности в согласовании с его материальными, эмоциональными и нормативными требованиями. Индивидуальная комбинация этих элементов, в сочетании с контекстом его биографии, определяет наиболее актуальную для человека форму восприятия символической политики: в качестве идеологии, в качестве государственной политики, в качестве интерпретации событий реальной жизни частными (и обусловленными прошлыми названными формами проявления символической политики) группами интересов (те же средства массовой информации; отдельные авторы, дающие оценку тех или иных событий). При этом эти формы не являются взаимоисключающими, но чаще дополняют друг друга, выступая в различных сочетаниях.

Основу современного теоретического понимания символической политики составляют работы американского политолога и социолога Мюррея Эдельмана. Он выделяет рассматривает политику в двух вариантах её восприятия и реализации: 1) в качестве политической деятельности, направленной определёнными группами интересов на реализацию их планов

в соответствии с возможными выгодами; 2) в качестве «спектакля»⁷². В современных институтах, по мнению мыслителя, выделяются две формы проявления символических актов (центральное понятие теории Эдельмана, по У. Химельштранду: «действия, имеющие в качестве своих исключительных объектов символы и игнорирующие объективные или концептуальные референты этих символов»⁷³): 1) ритуал – интегрирующая отдельных индивидов в общую деятельность практика; 2) миф – формирующая социальное восприятие реальности сила⁷⁴.

Современную концептуализацию символической политики, опираясь на немецкого мыслителя Томаса Майера, нам представляет отечественный исследователь, философ и политолог, Сергей Петрович Поцелуев. Он отмечает рассмотрение символической политики «сверху» и «снизу»: первый вариант есть проявление манипулятивной формы коммуникативного управления символическими формами, второй же есть случай разоблачения проявления символической политики «сверху»⁷⁵. Приводится три модели публичной реализации символической политики:

Театральная модель. Реализуется преимущественно посредством визуального восприятия аудитории. Направлена на вызов определённой реакции через череду эмоциональных воздействий. Выделяется следующая классификация площадок «политического театра»⁷⁶: сцена повседневного общения; сцена публичных выступлений политических акторов перед «живой» аудиторией – здесь важно непосредственное общение деятеля и представителя публики; сцена публичного инсценирования политики перед масс-медийной аудиторией; сцена сетевого политического инсценирования, предполагающего интерактивность общения с дифференцированной аудиторией.

⁷² Edelman M. The symbolic uses of politics. // Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. P. 5.

⁷³ Там же. С. 10. Перевод Ефремова В.Н.

⁷⁴ Там же. С. 16-19.

⁷⁵ Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сборник научных трудов. Москва: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю., 2012. 334 сС. 28.

⁷⁶ Там же. С. 33.

Драматологическая модель. Дополняющая прошлую и, в то же время, противостоящая ей модель. Демонстрирует аудитории не организованную форму общения, но проявление политического актора в повседневной жизни.

Перформансная модель. Синкретичная модель, охватывающая практики предыдущих. Раскрывается в совокупности, собственно, перформансов перед публикой, несущих в своей сути властные мотивы. Главное отличие здесь в элементе эстетизации этих проявлений «политического» перед аудиторией.

Осмелюсь утверждать, что данную систему моделей можно обсуждать за пределами подхода Эдельмана, который, конечно, является ещё одним примером рассмотрения символической политики и, в частности, политического мифа, составной единицей первой, в качестве феномена, главной функцией которого называется манипуляция сознанием. Куда ближе к актуальному воззрению (признающему и инструментальный, и естественный метод образования политического мифа и символической политики) на вопрос будет трактовка Ольги Юрьевны Малиновой, определяющей символическую политику в качестве элемента реальной политики. Она даёт следующее её определение: «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих»⁷⁷. Это явление человеческой природы, имеющее в себе как коллективистские, так индивидуалистические элементы.

Рассмотрим основных акторов современной символической политики и их инструменты создания и продвижения политического мифа:

Государство. Основной политический актор. Выступает через установленные собственной силой организации и институты, воздействуя и на нижестоящих в настоящем тексте акторов. Формирует через лица политических руководителей и элиты государства политику формирования

⁷⁷ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Москва, 2010. № 2. С. 92.

политической идентичности, которая соотнобразуется интересами и представлениями актуального режима.

Средства массовой информации. Феномен мифотворчества в СМИ имеет двоякую природу в смысле мифообразования. Журналистская деятельность требует краткости и понятности для широкой аудитории, из-за чего информация, которая должна быть представлена в новости, может искажаться: нарочно или ненарочно. С одной стороны, возможны целенаправленные манипуляции для искажения действительности произошедшего во имя интересов заинтересованных лиц, с другой стороны, уже упомянутое упрощение искажает сложную реальность, упуская весь пласт информации, необходимой для понимания реального положения дел. Так, к инструментарию журналистского мифотворчества будет относиться реклама, PR, пропаганда, предоставление площадки для дискуссии. Однако у мифотворчества СМИ имеются свои пределы в виде: кратковременности воздействия демонстрируемых мифоструктур (поскольку актуальная повестка постоянно меняется, а одним из критериев эффективности СМИ будет являться соотнесённость его с актуальными же событиями); ограниченности опытом аудитории – мифологемы, которые затрагивают неактуальные для населения вопросы, будут попросту «пропущены мимо ушей»; принципа соразмерности – так, сместить внимание аудитории с одного мифа на другой можно лишь при соответствии одного минимуму масштаба другого⁷⁸.

Общественно-политические движения. Собираетелная характеристика целого ряда акторов, представляющих определённые группы населения, разбивающиеся на формальные или неформальные собрания, представляющие интересы этого сообщества. Предстаёт в виде партий, некоммерческих организаций, политических кружков, деструктивных

⁷⁸ Деминова М.А., Семилет Т.А., Фотиева И.В., Чутчева А.В. Мифотворчество современной российской журналистики: социальная сущность, практики, детерминанты, инструментарий. // Мир науки, культуры, образования. 2018. С. 612-614.

(террористических, революционных, контркультурных) организаций, локальных сообществ (например, собрания граждан).

Массовое общество. Отличие настоящего времени – это наличие «запроса на миф». Массовое общество перекрывает фактором постоянного и упрощённого коммуницирования «естественное» (в локальном смысле) образование идентичности и картины мира, обусловленное отдалённостью прочих сообществ и сложностью коммуницирования даже с центром, если таковой имеется. Общество, проходя этап урбанизации, всё больше начинает нуждаться в идентичности – былого «тутейший» или «местный» в такой ситуации не хватает. Упрощая, скажем, что невозможно более разделять массовое общество по принципу свой\чужой через конкретное место жительства (хотя этот фактор, на местном уровне, всё ещё актуален), ввиду чего в ход идёт установление собственного мнения или присоединение к уже сложившемуся мнению о ситуации, явлении или норме. Развитие средств коммуникации значительно упростило задачу нахождения партнёров по интересам, какими бы те ни были. Так, даже самые маргинальные воззрения находят свою аудиторию, создавая широкие сети сторонников, концентрируя их в «точке сбора», коей может являться партия, социальная сеть, чат, клуб и много чего ещё. В современных условиях массовый человек, в первую очередь, обладает функционалом выбора стороны исходя из своих идеологических и морально-этических представлений.

Наглядным примером применения мифотворческого инструментария указанными акторами является президентская кампания в США 2008 года, анализ которой изложил Джеффри С. Александер на лекции в МГИМО 23 октября 2008 года. Представленность политических предрасположенностей [владельцев] СМИ показывает издание New York Times – оную часто обвиняют в симпатиях к демократической партии США – своим участием в формировании политического мифа, образа Барака Обамы. Так, бывший приятель будущего президента США в интервью газете вспоминает о нём «как о молодом организаторе сообщества, который проявлял незаурядную

«энергетическую способность налаживать связь с людьми из своего окружения»⁷⁹. Это попытка нивелировать недостаток опыта кандидата, показать его адаптивность и коммуникативность электорату, и при этом приблизить к народу: «я был маленьким беспризорником из Джакарты»⁸⁰. Для тех же целей организуются различные ритуальные акции взаимодействия, как пресс-конференции, встречи с кандидатами, митинги и прочие «хождения в народ», которые транслируются через печатные и электронные СМИ при обязательном упоминании в материалах эмоциональной реакции зала, передающейся и на воспринимающего вторичный материал.

Информационное пространство формирует в политической личности, претендующей на верховенство, миф героя – не просто человеческого существа, но явления истории, синхронизирующегося с архетипическим аппаратом аудитории: отсюда лозунг «это – наше время, это – наш момент»; характеристика «первый чёрный президент», изображение в *New York Times* Обамы в образе Иисуса, к которому тянутся сотни рук его сторонников⁸¹.

Рядом с образом стоит имидж. И здесь не столько важно приукрасить его, сколько очистить для аудитории, на которую транслируется определённая повестка. Так, в кампании Обамы серьёзной задачей было исключить ассоциацию кандидата с исламом. К примеру, случай, когда на сайте *Politico.com* стало известно, что команда Обамы вырезала с заднего фона его фотографии женщин с покрытыми платками головами или этот момент в статье Николаса Кристофа, который цитирует Обаму: «Однажды он попал в беду из-за того, что корчил рожи на уроках изучения Корана в своей начальной школе...»; «Более того, собственный дед г-на Обамы в Кении был мусульманином. Г-н Обама никогда не встречался со своим дедом и говорит, что не уверен, были ли две жены его деда одновременными или

⁷⁹ Джеффри С. А. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. Перевод проф. Кравченко С.А. 2008. С. 76.

⁸⁰ Nicholas Kristof Obama: Man of the World // *The New York Times*. 2007

⁸¹ Джеффри С. А. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. Перевод проф. Кравченко С.А. 2008. С. 77-78.

последовательными, и даже был ли он суннитом или шиитом»⁸², - Обама подчёркивает свою невовлечённость в исламскую культуру, причастность к одной могла бы вызвать отторжение у избирателей ввиду представлений, сложившихся после 2001 года.

Политическому мифу, в нашем мире идейного противоборства, неустанно противостоит антимиф. В сути своей такое же явление политического мифа, обладающее признаком, направленным на разрушение негодного\непопулярного\противостоящего мифа. В контексте рассматриваемого нами примера антимифом Обамы будет являться бывший кандидат в президенты США от Республиканской партии Джон Маккейн. Миф или антимиф Маккейна неудачен, поскольку нам известны результаты выборов 2008 года – кампания Маккейна не только не смогла должным образом утвердить себя в глазах электората, но и не активизировала потенциал негативного в сторону кампании противостоящего им кандидата⁸³.

Наиболее глобальными, в масштабе своего противостояния, сейчас можно назвать комплексы мифов глобализации и антиглобализма. В настоящий момент истории мы наблюдаем подъём национал-популистских партий, ориентирующихся на развитие национальной идентичности и приостановку интеграции с миром – в частности, наше внимание падает на пространство Европейского союза, где в крупных странах данные партии набирают относительно небольшой процент голосов, однако наиболее высокий за долгие годы, как Альтернатива для Германии и Национальный Фронт. Из стран поменьше можно отметить: Словакию с её партиями «Мы – семья» и «Словацкой национальной партией», которые хоть и не являются правящими, занимают 17 и 15 мест в Национальном совете из 150 соответственно; Венгрию с правящей партией «Фидес – Венгерский гражданский союз», которую возглавляет Виктор Орбан – нынешний премьер-

⁸³ Джеффри С. А. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. Перевод проф. Кравченко С.А. 2009. С. 64-65.

министр Венгрии; Польшу и правящую (в союзе с правоцентристами из партии «Польские дела») «Право и Справедливость. И на этом список не заканчивается. Риторика названных партий часто сходится в ряде утверждений, как, например, мнение о том, что излишняя интеграция в Европейский союз способствует размыванию национальной идентичности или боязнь войти в контролируемую сферу экономически более развитых стран-членов Евросоюза. Игрет роль также и разочарование в подобных глобальных проектах по интеграции. Так, восточная часть Европейского союза говорит об утрате мобилизующего потенциала объединения, подкрепляя это предыдущим аргументом, а западная всё больше высказывает нежелание поддерживать дотационные регионы⁸⁴.

Таким образом, имеется три модели реализации символической политики: театральная (спланированное эмоциональное воздействие), драматологическая (эмоциональное воздействие через повседневность) и перформансная (смешанная модель, включающая элементы первых двух). Акторами же символической политики, которые производят миф и управляют с ним, будут являться любые индивиды, группы и организации, которые активным или пассивным образом воздействуют на сферу управления властью посредством взаимодействия с архетипами и культурными условиями обществ, в пространстве действия которых применяется это воздействие. При этом, в современных условиях, потенциал охвата символической политики простирается, потенциально, до всего человечества ввиду фактора глобализации.

⁸⁴ Ачкасов, В. А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО Университета. 2011. С. 148-149.

2.2. Политический миф в социальном конструировании национальной идентичности

Конструкт нации – явление условное, нуждающееся в аргументации и реальной силе для утверждения оной в политическом пространстве. Благодаря последнему пункту нация имеет своё проявление лишь в государстве как в наиболее жизнеспособном образовании, обладающем потенцией к отстаиванию собственных границ и идей. Всякая нация – это государство, однако не всякое государство – нация. Феномен современной нации относится к позднему этапу Нового времени, когда индустриализация и урбанизация начали обретать свою силу, ибо он говорит о совокупности граждан, составляющих общество, на значительной территории, на которой, в свою очередь, развитие идеи [соотнесения себя с землёй, людьми и страной] и коммуникативно-информационной технологии достигло уровня, при котором два жителя одного государства, находящиеся по разные его края, могут высказать единую основу идентичности, не относящуюся к роду, племени или сюзерену (исключая случаи современных европейских монархий). Трудно найти нацию, которая не обладает собственным государством или хотя бы весомой автономией в составе более крупного государственного образования.

Однако, как уже было сказано, нация – явление условное. Нацию необходимо конструировать и поддерживать, поскольку потенциальное разобщение также является вариантом развития событий в жизни государства. Локальная идентичность имеет огромный потенциал, а с учётом открытого доступа к информации о политических, культурных и «лингвистических» образованиях прошлого, этот потенциал лишь увеличивается – даже язык может перестать быть аргументом к сохранению единого образования. Нация, сколь бы она не постановляла принципы мультикультурализма, стремится к единству и культурной унификации если не усилиями «сверху», то естественными процессами «снизу» (речь, в первую очередь, идёт о миграциях в едином территориальном пространстве, гарантированном государством, при

склоняющих к этому исторических условиях, будь то смена специализации региона при технологическом переходе, более приемлемые экономические условия или миграция в случае бедствий...). Нация не обусловлена во всех случаях своего проявления этническим, языковым и культурным (по крайней мере, на локальном уровне) единством. В конце концов, если речь идёт не о сохранении государства в долгосрочной перспективе, а «кратковременных» функциях бенефитах от наличия организованной национальной идентичности, то нельзя не упомянуть функции оной: мобилизующие (к примеру, к поддержке какого-либо государственного решения или к противостоянию условному противнику), легализующие (смену, установление или восстановление власти), стабилизирующие (предотвращение и урегулирование конфликтов внутри общества), социализирующие, мировоззренческие.

Роль политического мифа в конструировании национальной идентичности самая непосредственная. Он являет саму идейную основу единения, наделяя её эмоциональными характеристиками (гордостью, радость, грусть, гнев – в зависимости от мифа основания и ассоциаций). И утверждая символы, с которыми будет происходить ассоциация. В этом контексте важно построение «политики памяти». Как верно отмечает Валерий Алексеевич Ачкасов, «традиция не тождественна историческому наследию»⁸⁵ - это исходящая из актуальных условий прошлого череда выборов, определивших исход событий и их интерпретацию в истории. Более того, традиция подвержена переосмыслению в настоящем – бывшие «божественные порядки» в любой момент могут стать «актом угнетения», утвердиться в своей уместности или просто забыться ввиду устаревания, ненужности или простого непонимания явления в современности из-за культурных различий настоящего и прошлого. Стоит отметить, что последнее не является преградой в сфере

⁸⁵ Ачкасов, В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Сб. науч. тр. Москва : РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю., 2012. С. 126.

интерпретации как раз для утверждения политического мифа. «Современные массовые представления об истории не являются «естественной памятью», передаваемой от поколения к поколению, они – результат деятельности профессиональных агентов исторической политики»⁸⁶. Ярким примером является фигура Александра Невского. Уроженец другой эпохи и, конечно же, другой [по отношению к современным россиянам] политической идентичности, он в полной мере идентифицируется современным жителем России в качестве «лидера прошлого». При этом стоит различать понятия «лидер» и «правитель» - второе относит нас к должности, тогда как первое носит скорее эмоциональную окраску – и действительно, мы имеем дело с «идеальным лидером»: патриот-защитник Родины; мудрый; дипломатичный, остроумный. Современный миф Александра Невского даже более возвышенный, нежели каким он был во времена Российской империи. Во многом, это результат современной символической политики. Огромное влияние имел фильм «Александр Невский» 1938 года, утвердивший образ новгородского князя. Здесь он раскрывается, как остроумный лидер, склонный к афоризмам: «Кто с мечом к нам войдёт – от меча и погибнет!», - обращается он к потерпевшим поражение католикам⁸⁷. Афористичность, как признак хорошего или, по крайней мере, выдающегося, деятеля сохраняется и ныне – такое же внимание уделяется современным политикам: «никто никогда не вернётся в 2007» Медведева; получившие собственное название «путинизмы» вроде «если бы бабушка была бы дедушкой», «духовные скрепы» или «Мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут».

Основная возобновляемая сила национального мифа реализуется через общее образование – именно в нём репрезентируются политические мифы, формирующие восприятие общества. Продолжая тему мифа Александра Невского, скажем о его образе, изображаемом в учебниках истории (да и не

⁸⁶ Там же. С. 132.

⁸⁷ Нахимова, Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. С. 105-106.

только там – достаточно упоминаний в СМИ и в научных статьях). Это дипломатичный, справедливый в отношении друзей и врагов лидер: удачная защита от угрозы с запада и дружелюбная политика в сторону Востока переносится в качестве образца для подражания на современность⁸⁸.

Общее образование утверждает правомерность основных составляющих политической реальности: утверждение концепта государственности в качестве закономерной формы развития организации человеческого общества; понимание идеологий (и определение некоторых из них в качестве радикальных, негуманных); оправдание исторических и актуальных социально-политических практик, необходимых для поддержания порядка в обществе и сохранности государственных образований.

Актуальными остаются также следующие государственные и негосударственные институты политического мифотворчества:

Нормообразование. Утверждение государственного языка, составляющих культуры, «государствообразующего» народа; меры культурной автономии народностей внутри государства...

Дискредитация и дискриминация. Установление или запрет конкретной идеологии; преследование этнических\социальных\политических групп, создание неблагоприятных ассоциаций с ними или конкретными архетипами.

Формирование информационного дискурса. Воздействие на информационное пространство через СМИ, агитацию с целью установить актуальную повестку. Распространение образов через аудио- и видео- и письменные материалы.

Введение повседневных\регулярных практик. Закрепляет ассоциацию с определённой идентичностью через общность ритуала, обобщение обычаев снижает градус социальной напряжённости и подталкивает на взаимную интеграцию разные этнические, социальные, политические группы.

⁸⁸ Там же. С. 107.

Государственные праздники, сопровождающиеся выходным днём, формируют у населения ассоциацию с комфортом в отношении государства и

*Внешняя репрезентация группы*⁸⁹. Формирование образа нации (или национального государства, если репрезентацией занимается оно) у других стран, осознание через чужое восприятие своего места в мире.

Отдельно стоит остановиться на проблемах формирования политической идентичности. Здесь, опять же, отличается случай России. Главная проблема её современного «национального» мифа – это его неопределённость. После развала Советского Союза граждане Российской Федерации не отказались в полном составе от его мифа – более того, часть начала искать это государствообразующее начало в прошлом, а часть ориентировалась на актуальные обстоятельства, в большей или меньшей мере пытаясь реализовать синкретический проект, который передавал бы все архетипы российской истории. Как итог, мы имеем отсутствие в России гражданской нации, да и вообще хоть какой-то формы унифицированной национальной идентичности. Корни этого, как мне кажется, лежат не столько в противоречиях переходного периода, сколько в изначальных условиях создания [тогда ещё] российского, а затем советского народа. Как уже ранее отмечалось, одним из основных инструментов установления и поддержания национальной идеи – это общее образование. Революция 1917 года застала Россию с незаконченной реформой образования и актуальным институтом подданничества, который не успел смениться институтом гражданственности – в частности, из-за первого пункта. Народ (в широком смысле) просто не имел должной ассоциации себя со страной и, что главное, государством. Советский проект, как мы видим, не смог в должной степени возместить этот важный этап нациестроительства. По итогу мы имеем актуальный синкретический проект, сочетающий традиции «старой» и советской России, при чём за отсутствием старых институтов возникают институты их имитирующие. Так, в Российской

⁸⁹ Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2013. С. 74.

Федерации в одном культурном слое соседствуют замещающий Рождество Новый год и празднование Пасхи, мавзолей Ленина и национальный флаг, статуи Дзержинского перед зданиями МВД и памятники Петру Великому. Это не критика самих явлений – это критика того, что они не создали в своём сочетании единый образ политической нации. Итогом этого мы видим кардинально отличающаяся национальная самоидентификация у граждан России.

Таким образом, для эффективного построения национальной идентичности необходим единообразный политический миф, сообразующийся с имеющимися у населения рассматриваемой области архетипами, в том числе, если задачей является преобразование актуального набора элементарных единиц политического мифа и символической политики государства. Наиболее эффективным влияние политического мифа на формирование национальной идентичности будет при создании условий, при которых политические мифы «сверху» и «снизу» будут иметь одинаковый потенциал реализации.

Заключение

В ходе исследования социально-политических преобразований феномена политического мифа и современного его состояния можно сделать следующие выводы:

Во-первых, сущность мифа и политического мифа определялась через множество мыслителей из разных сфер, сходясь на универсалии межсферного символического взаимодействия, где цель и причина – управление смысловыми единицами человеческого общества. При этом стоит помнить о соотношении политического мифа с прочими понятиями: он не феномен символической политики прошлого, а актуальный во все времена инструмент управления смыслами, сообразующийся с актуальными формами политической идентификации.

Во-вторых, сущность мифа и политического мифа определялась через множество мыслителей из разных сфер, сходясь на универсалии межсферного символического взаимодействия, где цель и причина – управление смысловыми единицами человеческого общества. При этом стоит помнить о соотношении политического мифа с прочими понятиями: он не феномен символической политики прошлого, а актуальный во все времена инструмент управления смыслами, сообразующийся с актуальными формами политической идентификации.

В-третьих, имеется три модели реализации символической политики: театральная (спланированное эмоциональное воздействие), драматологическая (эмоциональное воздействие через повседневность) и перформансная (смешанная модель, включающая элементы первых двух). Акторами же символической политики, которые производят миф и управляются с ним, будут являться любые индивиды, группы и организации, которые активным или пассивным образом воздействуют на сферу управления властью посредством взаимодействия с архетипами и культурными условиями обществ, в пространстве действия которых применяется этой воздействие.

При этом, в современных условиях, потенциал охвата символической политики простирается, потенциально, до всего человечества ввиду фактора глобализации.

В-четвёртых, для эффективного построения национальной идентичности необходим единообразный политический миф, сообразующийся с имеющимися у населения рассматриваемой области архетипами, в том числе, если задачей является преобразование актуального набора элементарных единиц политического мифа и символической политики государства. Наиболее эффективным влияние политического мифа на формирование национальной идентичности будет при создании условий, при которых политические мифы «сверху» и «снизу» будут иметь одинаковый потенциал реализации.

Список использованных источников

Книги и периодические печатные издания

1. Ачкасов, В. А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2013. С. 71-77.
2. Ачкасов, В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти»// Символическая политика: Сб. науч. тр. Москва : РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю. 2012. С. 126-148.
3. Балахонская, Ю. В. Отличительные особенности политической мифологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С.189-194.
4. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. Москва: Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина, "Академический проспект", 2008. 351 с.
5. Бутолина, О. А. Место К. Юнга в философской рефлексии мифа / О. А. Бутолина. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. С. 10-17.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. Москва: ООО Группа Компаний "РИПОЛ классик", 2020. 768 с.
7. Деминова М.А., Семилет Т.А., Фотиева И.В., Чутчева А.В. Мифотворчество современной российской журналистики: социальная сущность, практики, детерминанты, инструментарий. // Мир науки, культуры, образования. 2018. С. 612-614.
8. Джеффри, С. А. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. Перевод проф. Кравченко С.А. 2008. С. 73-80.

9. Джеффри, С. А. Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года // Вестник МГИМО Университета. Перевод проф. Кравченко С.А. 2009. С. 62-72.
10. Документы истории великой французской революции в двух томах. Том первый / А. В. Адо, Н. Н. Наумова, Л. А. Пименова, Г. С. Черткова. Москва: издательство Московского университета, 1990. 526 с.
11. Забелин П. В. Технологии коммуникаций рубежа XIX-XX веков и современная цифровая экономика: исторические аналогии // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 1. С. 39-43.
12. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. Москва: ОГИЗ, 1937. 533 с.
13. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1985. 536 с.
14. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Вып. 3: Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН. 2015. С. 8-24.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Москва, 2010. № 2. С. 90-105.
16. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. Москва: Пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.
17. Мусихин, Г. И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102-117.
18. Найдыш, В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. Москва: Гардарики, 2002. 554 с.
19. Нахимова, Е. А. Мифологема Александр Невский в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. С. 105-108.
20. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Москва: Мысль. 2010.

21. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущёва Н. С. XX съезду КПСС. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. 194 с.
22. Онопко О.В., Ландик Л. П. Политические мифы в избирательных кампаниях: структура, функции, виды. // *Historia provinciae* / журнал региональной истории. 2018. Vol.2 № 3 С. 50-86.
23. Осьмачко, С. Г. Культурологические проблемы взаимодействия мифа и стереотипа в современном общественном сознании / С. Г. Осьмачко // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). 308 с.
24. Поцелуев, С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сборник научных трудов. Москва: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: Малинова О.Ю., 2012. 334 с.
25. Тульчинский, Г. Л. Наррация в символической политике: уровни и диахрония. // Символическая политика: Сборник научных трудов. 2017. № 4.С. 65-83.
26. Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. Москва: Фаланстер, 2013. 293 с.
27. Федяев, А. П. Эхнатон и культура древнего мира // ВЕСТНИК КемГУКИ. 2014. № 28. С. 165-170.
28. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование / К. Флад. Москва: Пер. с англ. А. Георгиева, "Прогресс-Традиция", 2004. 264 с.
29. Шестов, Н. И. Политический миф теперь и прежде / Н. И. Шестов. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.
30. Штофер, Л. Л. Типология политических мифов: социокультурные детерминанты генезиса и распада/ Л. Л. Штофер, О. М. Шевченко. // ВЕСТНИК ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 4. С. 206-213.
31. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. Москва: Пер. с фр. В.Большакова, «Инвест - ППП», 1996. 238 с.

32. Barthes R. Image, music, text / Selected and transl. by S. Heath. // L.: Fontana press, 1977. 223 Pages.
33. Bottici, Chiara A Philosophy of Political Myth / Chiara Bottici. // Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 Pages.
34. Cassirer E. The Myth of the State. New Haven–L.: Yale Univ. press, 1946. 303 Pages.
35. Claviez T. Grenzfalle. Mythos-Ideologie-American Studies. Trier: Wissenschaftlicher // Verlag, 1998. 364 Pages.
36. Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publishing company, 1971. 188 Pages.
37. Edelman M. The symbolic uses of politics. // Urbana: Univ. of Illinois press, 1964.
38. Lincoln B. Theorizing myth: Narrative, ideology and scholarship. // Chicago: Univ. of Chicago press, 1999. P.141-160.

Источники на электронных носителях

1. Летуновский, П. В. Миф как средство и фактор политики государств / П. В. Летуновский, А. М. Петрунин. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции. Севастополь: Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 439-442. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2018/05/00.-Mif-sbornik-dlya-F.MGU.pdf>
2. Nicholas K. Obama: Man of the World // The New York Times. 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/03/06/opinion/06kristof.html> (дата обращения 25.05.2023)